

Е.В. ВЕРШИНИН

**О ПОСТРОЙКЕ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ
УКРЕПЛЕНИЙ ПЕЛЫМА В 1623 Г.**

Пелым, один из первых русских городков Сибири, с момента своего основания (1593) был призван выполнять стратегическую функцию контроля над ранее воинственными пелымскими и кондинскими вогулами. Огнестрельное оружие, парусные корабли и деревянные крепости – вот символы русского колониационного процесса в Сибири, реальное значение которых хорошо понималось местными народами. Любая «шатость» среди аборигенных народов неизменно сопровождалась намерением осадить и уничтожить ближайший русский город. Не избежал такой угрозы и Пелым: так, в 1611/12 г. пелымские вогулы «хотели к городу приступати и город сжечь, и служивых людей хотели побити»¹. Большой урон, однако, сибирским деревянным крепостям наносили пожары, а не воинственные действия туземцев. В условиях первоначального освоения края быстрое восстановление сгоревших укреплений для русской администрации становилось делом не только хозяйственного значения, но приобретало отчетливый политический смысл.

Оборонительное зодчество Сибири XVII в. рассматривалось в нескольких солидных исследованиях². Тем интереснее ввести в научный оборот не известный ранее архивный документ, который вносит дополнительные штрихи в изучение этой обширной темы.

Город Пелым сгорел 8 июня 1621 г. В огне пожара погибли буквально все постройки: городовые рубленые и стоячие острожные стены с башнями, церковь, воеводский двор, съезжая изба, казенные амбары, жилые постройки вместе с домашним скотом. Жители города спасались от огня, бросаясь в протекавшую неподалеку Тавду. Любопытная деталь: пороховой погреб, который находился внутри пелымского кремля, заливали водой некие «вогуличи»³. Надо думать, что это были аманаты, чье тюремное помещение оказалось рядом с погребом. После пожара Пелым определенное время именовался в документах не городом, а городищем. Пожар произошел при воеводстве П.Н. Вельяминова, который и отправил в Тобольск сообщение о случившемся несчастье. Справедливости

ради надо заметить, что еще предыдущий воевода около 1618 г. писал в Москву о крайне плохом состоянии укреплений Пелыма: «Пелымской город весь огнил и обвалился, и башни городовые погнили и завалились»⁴.

Между Пелымом, Тобольском и Москвой началась деловая переписка по поводу новой застройки города. Трудно представить, где и как зимовали жители Пелыма, но только 29 марта 1622 г. Петр Вельяминов получил указание из Тобольска подготовить и приплавить к Пелымскому городищу строевой лес. Тобольский воевода Матвей Годунов обещал, во исполнение царской грамоты, прислать для строительных работ 100 служилых людей из других западносибирских городов. Гарнизон самого Пелыма насчитывал в это время около 80 человек, а вместе с ружниками и оброчниками в городе проживало 106 человек м.п.⁵

Петр Вельяминов оказался в трудном положении, и поэтому был вынужден пуститься на хитрость. Дело в том, что строевой лес должны были заготовить вогулы Пелымского уезда; однако распоряжение воеводы выполнило ясачное население только ближайших к городу волостей. Не имея леса в достаточном количестве, Вельяминов не мог отправить просьбы в Тобольск, Туринск, Верхотурье и Тюмень о присылке обещанных служилых людей. Вместо этого он уже в начале июня 1622 г. доносил в Тобольск, что пелымчане своими силами поставили на месте прежнего рубленого города острог длиной в 115 саженей с одной башней. Внутри острога была отстроена теплая Рождественская церковь, съезжая изба и некоторые казенные здания. В то же время на посаде за острогом жители Пелыма поставили свои дворы, но обнести их другой острожной стеной, за нехваткой людей, не могли⁶. Тобольский воевода Матвей Годунов выразил недоумение по поводу содержания отписок пелымского коллеги. С одной стороны, тот сообщал, что лес заготовлен весь и просил прислать обещанную помощь; с другой стороны, Вельяминов одновременно переправил челобитную пелымских служилых людей, в которой они просили отложить постройку городских укреплений. Годунов опросил гонцов Вельяминова и выяснил, что «на Пелыми готового лесу нет ни одного бревна». Главный разрядный воевода распорядился отложить строительство городских укреплений до весны 1623 г.⁷

Таким образом, при Петре Вельяминове в 1622 г. на месте прежних стен пелымского кремля были всего лишь наспех поставлены острожные стены. Этот факт внес определенную путаницу в существующую литературу. Так, в одном издании сказано: «В 1621 г. Пелым весь сгорел. Заново отстроен на том же месте в 1623 г. острогом, окружностью в 220 саженей»⁸. На самом деле в 1623 г. городские укрепления Пелыма

были отстроены самым добротным образом, но уже по инициативе нового воеводы, Ивана Матвеевича Вельяминова.

В отличие от своего предшественника, Иван Вельяминов был человеком деятельным. Получив назначение на воеводство, он ехал «в Сибирь днем и ночью без простоя, не мешкая нигде ни часу», и прибыл в Пелым 22 марта 1623 г. Острог, построенный в 1622 г., новый воевода оценил следующим образом: «И на Пельми по нынешний по 131-й год город и острог не поставлены; а который острожишко по прежнему городовому месту поставлен, и тот острожишко худ и згнил и обвалился и ворот нет...»⁹. Следуя одному из главнейших пунктов воеводского наказа, Вельяминов после приезда разослал служилых людей к вогулам уезда с призывом прибыть в город и выслушать традиционное обращение нового правителя к аборигенному населению – так называемое «жалованное слово», произносимое от имени монарха. Особенно воевода желал видеть мурз и лучших людей из труднодоступной Большой Конды, фактически самостоятельной части бывшего вогульского Пелымского княжества. Однако вожди кондинских вогулов Ортюга Танаев («товарищи») на призыв воеводы не явились, а прислали вместо себя «худых людишек вагуличей» с любопытным заявлением: «На Пельми города нет». Вторичное обращение Вельяминова к вогулам Большой Конды также не имело успеха. Строительство города (иначе сказать – форта русских колонистов) приобрело прямой военно-политический смысл.

Строительство пелымского кремля (по терминологии того времени – «города» без посада) началось 21 мая и закончилось уже 4 июля¹⁰. Всего на работах было занято 102 человека, включая 25 служилых из Тюмени и Туринска; плотничным уставщиком (т.е. главным архитектором) выступил пелымский стрелецкий десятник Пятой Федоров. Имеющееся в нашем распоряжении описание отстроенного города и острога хорошо соотносится с изображением Пельма из более поздней «Чертежной книги» Сибири С.У. Ремезова. Очевидно, что после очередных пожаров архитектурный облик Пельма возобновлялся в соответствии с первоначальной застройкой конца XVI в.

Пелымский кремль (или «город»), построенный при Иване Вельяминове, представлял собой почти квадратный четырехугольник. Крепость имела 4 башни, из них 2 – Рождественская и Никольская, обращенные к Тавде, – были проезжими. Две глухие башни в нашем документе не имеют названий; в источнике конца XVII в. они именуются Пелымской и Тюменской¹¹. Башни являлись квадратными срубами со сторонами по 4 сажени¹². Исходя из количества указанных рядов бревен, башни имели примерно одинаковую высоту. Поскольку толщина бревна указана

в источнике в 4–5 вершков, то высоту проезжей Рождественской башни можно определить в 9,5–10 м. Но поверх шатрового покрытия на ней стояла еще смотровая вышка, почему Рождественскую башню следует считать, видимо, самой высокой в Пелымской крепости. Стены представляли собой срубы-городни шириной в 2 сажени (т.е. более 4 метров). Длина 4-х стен была не одинаковой – от 27 до 33,5 сажений. Если задаться целью вычислить общую площадь Пелымской крепости, то можно отметить одну любопытную деталь. Сложив указанную в источнике длину всех 4-х стен, мы получим цифру в 122 сажени. Между тем сами строители писали, что «по мере кругом около Пелымсково города и городских башен 170 сажень». Очевидно, что в градостроительной практике того времени длина стен измерялась по их внутренней стороне. Это необходимо учитывать при дальнейших исследованиях. В данном случае, например, свободную площадь Пелымского кремля надо рассчитывать, исходя не из 170 сажений длины периметра, а из 122 сажений. Значит, в 1623 г. площадь Пелымской крепости составляла 4200 кв. м.

Вслед за рубленой крепостью был немедленно возведен острог вокруг посада – «ни один двор никаких людей за острогом не остался». Острожные бревна уходили в землю на аршин. В высоту острог достигал почти 5 м. Как это хорошо видно на чертеже С.У. Ремезова, острожные стены с двух сторон как бы продолжали городовые стены, примыкая к Рождественской и (видимо) Тюменской башням. Острог имел и свою башню – «такову ж, каковы городовые башни на Кондинской дороге». Последнюю фразу можно истолковать двояким образом. Есть соблазн представить, что за городом, где-то на Кондинской дороге, стояли отдельные сторожевые башни. Это было бы весьма интересным предположением, но, как мне кажется, неверным. Здесь необходимо учесть наблюдение В.И. Кочадамова, который писал: «Крепость строилась первой и занимала самое выгодное и эффектное место. От нее в ясачные районы, на пашни, покосы и в соседний город прокладывались дороги, сходявшиеся к главным воротам»¹³. Так что здесь, скорее всего, имелись ввиду городовые башни той же Пелымской крепости, находившиеся на одной линии с некой дорогой, удивившей в кондинские леса. Острожные стены тянулись на 295 сажений. Зная планировку Пелыма и площадь, занимаемую кремлем со стенами, можно при желании вычислить и площадь посада, где проживала основная часть пелымчан.

Интересно отметить, что к концу XVII в. Пелым «сократился». Новый рубленый город после очередного пожара был поставлен в 1672 г. «мерею» в 116 сажений. На чертеже С.У. Ремезова дана близкая цифра – 120 сажений. По-прежнему сохранялись 4 башни, но их ширина была

уже не 4, а 3 сажени. Последний в XVII в. острог вокруг посада был возобновлен в 1692 г. По сравнению с застройкой 1623 г. можно отметить появление второй острожной башни; протяженность острожных стен составила около 280 саженей¹⁴. В таком виде терявший свое военное значение деревянный Пелым вступил в XVIII столетие.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 2. М., 2000. С. 265.

² *Кочедамов В.И.* Первые русские города Сибири. М., 1978; *Крадин Н.П.* Русское деревянное оборонное зодчество. М., 1988; *Васильевский Р.С., Резун Д.Я.* Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989.

³ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 311, 356.

⁴ Там же. С. 289.

⁵ *Буцинский П.Н.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников // Буцинский П.Н. Сочинения: В 2 т. Т. 1. Тюмень, 1999. С. 165; *Никитин Н.И.* Служилые люди Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 29.

⁶ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 330–332.

⁷ Там же. С. 332–333.

⁸ *Васильевский Р.С., Резун Д.Я.* Летопись сибирских городов. С. 226.

⁹ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 353.

¹⁰ Далее используется содержание документа, который публикуется ниже.

¹¹ Первое столетие сибирских городов. XVII век. Новосибирск, 1996. С. 155.

¹² У меня нет сомнений, что при строительстве Пельмской крепости использовалась 3-аршинная казенная (печатная) сажень в 216 см. Так, например, в грамоте 1624 г. о постройке верхотурских укреплений речь шла именно о печатной сажени. См.: РИБ. Т. 2. СПб., 1875. Стб. 427–428.

¹³ *Кочедамов В.И.* Первые русские города Сибири. С. 13.

¹⁴ Первое столетие сибирских городов... С. 155.

1624 г., марта 22. – Грамота из Москвы в Пелым с описанием вновь построенных пельмских укреплений

(Л. 1) Список з государевы грамоты слово в слово.

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси в Сибирь, в Пельмской город, воеводе нашему Ивану Матвеевичю Вельяминову. В нынешнем во 132 году писал еси к нам, что по нашему указу велено тебе быти на нашей службе в Сибири в Пельмском городе и, приехав, взяти у воеводы у Петра Вельяминова Пельмской город и острог и, осмотря худые места у города и у острога, велено поделать тотчас и послать в Пельмской уезд – велети быть ис Пельмсково уезду к нашему жалованному слову лутшим людем вагуличам. И ты ехал на нашу службу в Сибирь днем и ночью без простойки, не мешка нигде ни часу,

и приехал в Сибирь на Пелым марта в 22 день. (Л. 2) И на Пелыми города нет, прежней Пелымской город и острог згорел в прошлом во 129-м году при Петре Вельяминове.

И ты по нашему указу с Пелымского городища послал в Пелымской уезд пелымских служилых людей, пелымского стрелецкого десятника Терешку Михайлова да новокрещена Сеньку Нозикова, и велел быти на Пелым к нашему жалованному слову лутчим людям, вагуличам из Большие Конды. И пришли к тебе на Пелым к нашему жалованному слову худые людишка вагуличичи, прислали их к тебе на Пелым кондинские мурзы и лутчие люди для отвесьтя, что на Пелыми города нет, а сами де из Большие Конды лутчие люди не пошли, которым ты велел по имяном к нашему жалованному слову. И ты послал по них в другой ряд в Большую Конду по лутчих людей, и кондинские де мурзы Ортога Танаев с товарищи, лутчие люди, на Пелым не пошли. И ты о том писал в Тоболеск июня в 7 день к боярину и воеводам нашим ко князю Юрию Яншеевичю Сулешеву (Л. 3) с товарищи о тех кондинских лутчих людей трех человек. И ты почаял от Большие Конды шатости и по нашей прежней грамоте, какова послана на Пелым во 130-м году к воеводе к Петру Вельяминову, прося у Бога милости, изготовя лес на город и на острог весь сполна, Пелымской город обложил на прежнем Пелымском городище мая в 21 день пелымскими служилыми людьми и пашенными крестьяны, которые на Пелыми пять человек, и приезжими торговыми людьми, только двема человеки, и присыльными ратными людьми дватцатью пятью человеки, что присланы с Тюмени да ис Туринского острогу, и Пелымской город поставил совсем наготово. И всех пелымских служилых и присыльных тюменских (Л. 4) и туринских ратных людей было у нашего пелымского городского дела сто два человека.

А город ты поставил в высоту от земли до мосту по обламы в стене по семнатцети рядов; а над мостом вверх над обламами по десяти рядов. А бревна в городских стенах рублены в вершинном конце в отрубке в четверть аршина, а иные в пять вершков. А в ширину Пелымской город рублен меж стен в две сажени. Да четыре башни срублены городовые, а в них мощено, опричь подошевново мосту, по два моста. А в высоту рублена городовая проезжая большая Рождественская башня от Тавды реки – до обламов тритцать рядов, сверх обламов до режу одиннатцать рядов, (Л. 5) а режу семь рядов. А ворота в ней зделаны большие створные брусяные. Да на той же проезжей башне зделал поверх шатра вышку, и с тое вышки с караулу видеть кругом Пелымского города в вагульские юрты верст по пяти и по шти и больши.

А от тое де большие проезжие башни подле Тавды реки по мере

городовые стены: длина тритцать три сажени с полусаженью, и конец тое стены другая проезжая Никольская башня на углу от Тавды реки. А в ней зделаны проезжие сторонние брусяные водяные ворота, куды из города ходить на Тавду реку к воде. А в высоту та срублена башня по обламы тритцать три ряды, а сверх обламов до ряжу девять рядов, (Л. 6) а режу семь рядов. А от первые большие проезжие Рожественские башни от посаду к Пелымке реке городовые стены, длина тритцать одна сажень, а по конец тое стены срублена третья городовая башня. А в высоту ее дватцать девять рядов до обламов, сверх обламов до режу десять рядов, а ряжу восемь рядов. А от тое башни от поля от нашие пашни городовые стены, длина тритцать сажень с полусаженью, и по конец тое стены четвертая городовая башня на углу от поля от нашие ж пашни. В высоту до обламов тритцать рядов, поверх обламов до режу десять рядов, режу семь рядов. И от тое башни задняя городовая стена к Тавде реке до проезжие Никольские башни, до водяных ворот, длина (Л. 7) дватцать семь сажень. А башни рубленые городовые по четыре сажени.

И всего по мере кругом около Пелымсково города и городовых башен сто семдесят сажень. И город и городовые башни покрыты драницами накрепко, совсем наготово июля в 4 день. И корыта с водою и колье по башням и по городням по всем поставлена.

И как ты поставил Пелымской город совсем наготово, и острог почал около пелымсково посаду ставить. И башню острожную поставил большую, такову ж, каковы городовые башни на Кондинской дороге. И острог около пелымсково посаду поставил весь наготово, обвел около посаду всех дворов, ни один двор никаких (Л. 8) людей за острогом не остался. А в высоту острог ставлен от земли две сажени с локтем, а в землю ставлен в аршин глубиною. А около острогу по мере кругом двесте девяноста пять сажень. И двор де воевоцкой ты устроил. И чертеж начертя Пелымскому городу и острогу, прислал к нам к Москве с пелымским стрелецким десятником с Пятункою Федоровым, которой был в плотниках на уставе у всякого нашего Пелымсково городского дела.

И ты то зделал гораздо, нашим делом радел и промышлял: приехав на Пелым, город и острог поставил вскоре. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б и вперед нашим (Л. 9) делом радел и промышлял и искал нам прибыли во всем, как тебя Бог вразумит. А мы тебя за то пожалуем.

Писан на Москве лета 7132 г. марта в 22 день.

На л. 9 помета: Припись у подлинной грамоты дьяка Ивана Болотникова.

РГАДА. Ф. 214. (Сибирский приказ).
Он. 3. Стб. 1673. Л. 1–9.